

УДК 821.512.141.09

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Р.УРАЗГУЛОВА «ГОЛОД»

Хасанов Р. Ф.

Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия, (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: academy@birsk.ru

---

Статья посвящена рассмотрению жанрово-стилевого своеобразия романа талантливого современного башкирского писателя Р. Уразгулова «Голод». Как утверждается в статье, этот роман по своей проблематике, идейной направленности, авторской концепции мира и личности близок к антиутопии. В романе «Голод» его автор критически изображает события и лица периода 1920–1930 годов, а именно – военный коммунизм, создание продотрядов, сельхозартелей и колхозов, судьбу зажиточного крестьянина и спецпереселенцев, репрессии. Писатель воспроизводит трагические картины засухи и голода в Поволжье в 1920–1922 годы, печальные последствия непродуманной политики новой власти в деревне и другие социальные явления той эпохи. На примере судеб героев, типических представителей своего времени, в романе создается общая картина жизни в башкирском крае, картина борьбы противостоящих сил, столкновение характеров, личностей. Отмечается, что стилиевыми доминантами в романе являются описательность, особая роль деталей, психологизм.

Ключевые слова: жанр, стилевая доминанта, система образов, портретная характеристика, монологи, диалоги, описательность.

THE STYLE GENRE PECULIARITIES OF THE NOVEL “GOLOD”, BY URAZGULOV R.

Khasanov R. F.

Birsky branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10) e-mail: academy@birsk.ru

---

The article reviews the style genre peculiarities of the novel “The Hunger” (“Golod”), written by the talented modern Bashkir writer Urazgulov R. As it is said in the article - the novel, in its problems, ideological orientation, author’s concept of the world and the person is close to the dystopia. In the novel “The Hunger” the author critically shows the events and the persons of 1920-1930 years, exactly – War Communism, the creation of requisitions, collective farms, the life of prosperous peasant, repressions. The author reproduces the tragic pictures of drought and hunger in Povolzhie (1920-1922y.), sad consequences of unreasoned policy of the new power in the village and other social phenomena of that epoch. On the example of the heroes’ destiny – the whole picture of life in Bashkir region is created. It is said that the descriptiveness, the special role of the details and psychology are stylistic dominants of the novel.

Keywords: genre, stylistic dominant, the system of images, portrait characteristics, monologue, dialogue, descriptiveness.

Роман башкирского писателя Ралиса Уразгулова «Голод», [4] вышедший в 2015 году, посвящен эпохе 1920–1930-х годов. По своему проблемно-тематическому содержанию его можно рассмотреть как историко-революционный роман, популярный в башкирской литературе советского периода. Предметом изображения в нем являлись социально-политические процессы, происходившие в годы революций и после – гражданская война, послевоенная разруха, классовая борьба, голод, продотряды, военный коммунизм, НЭП, репрессии, раскулачивание, создание сельхозартелей, колхозы. Это были политизированные романы, созданные в рамках соцреализма с идеей построения светлого будущего, общества всеобщего равенства, счастья, благополучия. Еще Стендаль писал, что «политика в

литературном произведении – это как выстрел из пистолета посреди концерта: нечто грубое, но требующее к себе внимания» [5, с.145].

Эта большая историческая тема была продолжена и в романах постсоветского времени, в которых оценка, осмысление и освещение известных событий даны с иных позиций и творческих установок. Это мы наблюдаем в произведениях А. Хакимова, Р. Уметбаева, Г. Хисамова, С.Фазлыева и Р. Уразгулова. Их общая черта – показ трагедии личности, попавший под жернова истории, ставшей жертвой социальных потрясений, общественных катаклизмов, художественное видение изображаемого через призму восприятия, мироощущения простого человека, как правило, деревенского жителя. На примере конкретных судеб, характеров писатели показывают, какие беды, несчастья, страдания обрушились на крестьянина-кормильца, зажиточного мужика, как из него вытравлялось чувство хозяина земли. Судя по этим параметрам и по аналогии с русской литературой, названные книги можно назвать антиутопиями в широком смысле. При этом мы полагаем, что антиутопия – это не столько особый жанр, сколько способ художественного выражения авторского мировосприятия, принцип изображения, в основе которого лежит сатира, пародийность, фантастика, показ общественных процессов, явлений социально-нравственного плана с позиций простого человека, выраженное аналитическое начало, неприятие политики и идеологии, направленных на подавление личности. Как справедливо отмечает критик: «Эти романы – сатира, считающая себя антиутопией» [6]. Антиутопическое содержание может воплощаться в различных жанрах: рассказе, повести, романе, драме.

Роман «Голод» проникнут протестом против бесчеловечной политики по отношению к человеку, против попытки превратить его в послушного раба. На героев романа обрушиваются не только природные катаклизмы (засуха, неурожаи и как следствие голод), но и беды, преграды, лишения, созданные самим человеком, власть имущими. Перед читателем проходят образы представителей разных социальных слоев: бедняков, середняков, кулаков, помещиков, духовенства.

Первая глава «Кашфулла» вводит читателя в мир забот и тревог деревенской бедноты. Кашфулла – типичный люмпен-пролетариат, оторванный от земли, потерявший чувство хозяина, не умеющий и не желающий трудиться, ждущий от новой власти «манны небесной». Через его образ писатель с горечью повествует о том, как многие башкиры сдавали свои земли в аренду русским помещикам, а потом сами же нанимались к ним в батраки, гнули спины на родной земле уже в качестве раба. Об этом явлении писали в своих рассказах, очерках, статьях Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, Н. А. Крашенинников, Н. В. Ремезов, П. И. Добротворский. В рассказе «На кумысе» Д. Мамин-Сибиряк пишет:

«Башкиры свою землю сдадут в аренду по полтине за десятину, да сами же нанимаются её обрабатывать» [2, с.200]. А в романе «Хлеб» писатель описывает башкирскую дореволюционную деревню: «Самую ужасную картину представляла башкирская деревня. Башкиры голодали и вымирали каждую зиму. Половина башкирских изб пустовали, – хозяева или вымерли, или разбрелись, куда глаза глядят... В амбаре вместо хлеба сложены были закоченевшие трупы замерзших башкир» [3, с.287].

В романе Р. Уразгулова жители деревни тоже превратили бывший зерновой склад (мугэзей), в своего рода, хранилище трупов, умерших зимой односельчан. «Трупы были свалены в кучу до самой двери. Нестерпимый запах, лица, застывшие в последней схватке с муками голода, кое-где тела без рук и ног, со вспоротыми животами...» [4, № 3, 107]. Страшные картины, порой с излишней натуралистичностью рисует автор. Вот в степи в конвульсиях лежит пожилая женщина, у которой вороны склевали глаза; вот старуха Хадиса убивает топором девушку, чтобы её съесть, накормить свою дочь. Автор не жалеет красок и изобразительно-выразительных средств, чтобы наглядно показать жестокость, порой беспощадность людей, обезумевших от голода, доведенных до каннибализма. Также трогает картина расправы толпы над Вильданом, который украл корову у вдовы и зарезал, оставив семью без кормилицы. Суд над ним был скор: сначала его забросали камнями, затем отрезали руку.

Одной из жанровых особенностей романа является его хроникальность, использование летописной формы повествования. Автор называет конкретные даты: день, месяц, год произошедшего события. Этим он подчеркивает свою приверженность к правде факта, к суровому реализму. Используя возможности поэтического вымысла в обрисовке характеров героев, в раскрытии их внутреннего мира, писатель тем не менее остается в рамках исторической правды, достоверно, жизненно рисует картины общественной, социально-бытовой жизни того времени.

По мере развития действия всё отчётливее вырисовываются фигуры противоборствующих сил. При этом особо выделяются образы Абдуллы и Муратши, их можно считать антагонистом и протагонистом. Именно в создании образов этих персонажей более всего проявились антиутопические тенденции романа.

Как уже было отмечено, в антиутопии одним из основных средств изображения является сатира. В романе Р. Уразгулова наиболее ярко это проявилось в создании образа главы сельсовета Абдуллы. Перед нами типичный образ башкирского «швондера» из повести М. Булгакова «Собачье сердце». Внешне и внутренне, физически и морально Абдулла вызывает неприязнь. Каждый его поступок на посту главы направлен против простого человека и на удовлетворение своих низменных страстей. Во время голода он

торгует казенными продуктами, хлебом взамен любовных утех с молодыми женщинами села. Прошлое героя также запятнано подлым поступком по отношению к своему односельчанину Идрису. Через этот образ автор стремится показать, во что может превратиться человек в тоталитарном государстве, одержимый навязчивой идеей классовой борьбы, ненавистью и злобой к идейным оппонентам, к несогласным с его точкой зрения. Писатель не столько «рассказывает» о деяниях и мыслях Абдуллы, сколько показывает это изнутри, воспроизводит их через внутреннюю речь героя. В романе есть сцены, в которых герой выглядит нелепым, невежественным, неким моральным калекой. Вот он на собрании объясняет сельчанам, что при коммунизме жену будут называть «товарищ по жизни», так как слово «жена» оскорбляет, унижает достоинство женщины.

Антиподом Абдуллы в романе выступает Муратша-бай. Здесь автор порывает с традициями предшествующей историко-революционной прозы, в которой образы зажиточных крестьян, баев, представителей социальных верхов изображались в резко негативном плане, как враги народа, и всего нового. У Уразгулова Муратша – это воплощение доброты и милосердия, нежности и заботы. Он своим трудом выбился в люди, стал зажиточным мужиком. Не случайно писатель называет его крестьянином, а не кулаком. Муратша всегда в центре авторского внимания, и, говоря языком стереотипа, этот образ становится рупором идей автора, его alter ego, выразителем его философии жизни и отношения к событиям и лицам той эпохи. В ситуации голода и засухи Муратша становится спасителем для многих односельчан, раздает хлеб, зерно, семена, устраивает коллективные обеды для голодающих, берет на свое попечение сирот. Как показано в романе, его мысли, думы и действия направлены на общее дело, а не на собственное обогащение. И в личном плане он – прямая противоположность Абдулле. У него большая дружная семья, дети, старшая и младшая жены, любящие мужа, уважающие друг друга; в его доме всегда уют, теплота, взаимопонимание. Он фактически авторитет в деревне, организатор коллективных мероприятий – сева, сенокоса, сходов, праздников, похорон. Если для Абдуллы голод, неурожай – это удобный случай для укрепления своей власти, устрашения людей и подчинения себе, то для Муратши – это трагедия, страдания, гибель близких. На примере его судьбы писатель показывает, во что обрекает власть большевиков трудового человека, влюбленного в землю, желающего и умеющего на ней работать. Незавидна его участь: раскулачивание, высылка, Сибирь, неизвестность...

В обрисовке характера Муратши, в раскрытии его внутреннего мира автор достигает глубокого психологизма. Нередко он представлен в минуты раздумий о своей судьбе, о жизни, об артелях, о трудностях. На собрании, где была решена его участь, он произносит речь, в которой обвиняет односельчан в покорности, в рабской психологии, в предательстве.

«Народ, где один поедает другого – раб! А раб, не желающий выходить из рабства, – вдвойне раб! Он никогда не сможет жить по своей воле, никогда не встанет на ноги. Нынче тоже некоторые из вас ухмыляются, а не чувствуете, что землю у вас отнимают, за которую наши деды – прадеды тысячи лет кровь проливали» [4, № 5, 102]. Видно, что здесь устами героя говорит сам автор, и в целом можно сказать, что образ Муратши осовременен, в какой-то степени нетипичен, не лишен черт идеализации и схематизма.

Вся образная система романа, его идейная направленность позволяют утверждать, что Р. Уразгулов входит в творческую полемику с автором романа «Иргиз», который в свое время был охарактеризован как этапное произведение в развитии башкирского историко-революционного романа [1, с.262]. Примечательно то, что романы Х. Давлетшиной и Р. Уразгулова близки по тематике, по пространственно-временной организации (хронотопу), системе образов. Действия в них происходят после гражданской войны в деревнях на берегу Иргиза в Самарской губернии. Писатели изображают острую классовую борьбу, схватку нового и старого, становление нового уклада жизни, способов хозяйствования. Но оценка, восприятие, осмысление всего изображаемого происходит с разных позиций. Если у Х. Давлетшиной Айбулат, его жена и их товарищи – это некий идеал светлого будущего, готовые к самопожертвованию ради его построения, то у Уразгулова тот же представитель новой власти Абдулла – исчадие ада, олицетворение зла, тьмы, бесчеловечности, тупиковости избранного пути. В «Иргизе» создание артелей – прогрессивная форма организации сельхозтруда, спасение для бедноты, а в «Голоде» артель, затем колхозы – это ликвидация, уничтожение мужика-земледельца, хлебороба, вытравление из него чувства хозяина земли. Совершенно по-иному в романах обрисованы образы баев, зажиточного мужика. Как уже говорилось выше, Муратша выступает как воплощение добродетели, как образец гуманности и милосердия, то Ниязгол в «Иргизе» – это хитрый, коварный и жестокий собственник, ради богатства, власти готовый погубить даже близкого человека. Сопоставляя два романа, можно в частности увидеть эволюцию историко-революционного романа в башкирской литературе, его освобождение от догм, идейных клише, стереотипов, излишней патетической пафосности, поворот к показу общечеловеческих ценностей, трагедии человека в переломные моменты истории.

Сложный, противоречивый характер представлен в Вильдане. Волею обстоятельств он становится помощником Абдуллы, председателем артели, потом колхоза. Выходец из низов, он также «заражен» вирусом злобы и ненависти к старому миру, баям, зажиточным крестьянам. Но, с другой стороны, в нем не утрачены добродетель, совесть, жалость, понимание человека. Его природа противится, когда составляется список лиц для раскулачивания и изгнания из деревни. В его душе происходит борьба истинного,

заложенного изначально самой природой, и ложного, навязанного извне, сформированного обстоятельствами, средой. В нем сидит дьявол, которого он пытается изгнать, но не в силах это сделать окончательно. Автор показывает трагедию человека, сбившегося с истинного пути, соблазненного умозрительными идеями. Такими же обманутыми, одурманенными выглядят молодые – пионеры, комсомольцы: Хисам, Исмаил. Они своего рода башкирские павлики морозовы, главным делом которых становится слежка за «врагами советской власти», доносы, услужение, угодничество Абдулле.

Как нам кажется, первоначально образ Идриса был задуман как антипод Абдуллы. На страницах романа они сталкиваются несколько раз. До войны – соперники в личном плане – оба любят одну женщину; на фронте служат в одном полку, и Абдулла при случае не прочь отомстить Идрису за упущенную Зулейху – утопить его болоте. Их встреча после войны – одна из ключевых сцен в романе. Здесь мы видим столкновение не любовных соперников, а конфликт противоположных миров и философий, добра и зла. Если Абдулла несет людям горе, страдания, разрушение, гибель, то Идрис выступает символом созидания, возрождения. Он возводит, разделяет сад, сеет вокруг свет, надежду. В то же время потенциал этого образа остался не раскрытым до конца. Автор «оттесняет» его на задний план, лишь эпизодически напоминая о нем как о человеке, погруженным в частные заботы, хлопоты по хозяйству.

Также нужно отметить, что сюжетная линия, связанная с Идрисом, выглядит несколько надуманной. Его чудесное спасение из болота немецкой овчаркой, затем работа в плену у добрых хозяев-немцев в Германии, возвращение домой через много лет, встреча с семьей, которая ждала его, не получив от него ни весточки, возведение цветущего сада в ситуации всеобщей разрухи, мора, голода – всё это напоминает сказку, нежели сюжет реалистического произведения, на что претендует рассматриваемое произведение. Можно допустить, что с образом Идриса автор связывает некий идеал совершенства, показывает, что лишь человек свободный от умозрительных целей, партийной идеологии и других форм организации масс в тоталитарном государстве, способен на созидание, на гармоническое развитие, чувствует себя хозяином на своей земле, труд на которой приносит ему счастье и радость. Ведь не случайно Идрис не вступает ни в артель, ни в колхоз, ни в партию, а его дети остаются в стороне от пионерии и комсомола. В этом случае Р. Уразгулов отступает от некоторых жанровых канонов антиутопии, в которой авторы, как правило, ограничиваются острой критикой существующего положения вещей, не предлагая альтернативу, позитивного начала.

Нелегко судить о стиле романа, так как мы имеем дело с переводом с башкирского. Надо полагать, что переводчица (Г. Байгутлина) сумела передать особенности языка

писателя, его поэтической лексики и фонетики, представить весь арсенал изобразительно-выразительных средств, что и создает в конечном итоге национальный колорит. Отчасти этому служат исконно башкирские слова, диалектизмы, пословицы и поговорки, просторечные слова, встречающиеся в романе.

Из стиливых доминант романа следует отметить описательность. Кажется, что автор не упускает случая подробно описать жилище своего героя, его портрет, убранство, утварь. Его особое внимание к деталям, к подробностям частной, бытовой жизни напоминает страницы натуралистического романа, приверженца так называемого «золизма». Эту мысль подтверждают и пейзажные зарисовки, которых в романе немало. Автор подмечает и «копошащихся в лошадином помете воробьев», и «проталин, чернеющих на верхушках гор подле аула», и «желтоватые следы Кашфуллы», и сусликов, вышедших погреться на солнышке», и «майских жуков», и многое другое. Всё это органично вписывается в художественную ткань произведения, обогащая, разнообразя его палитру.

Использование мотивов, образной символики, обращение к приему сна также можно отнести к особенностям стиливой манеры писателя. В мотивной структуре романа важное место занимает мотив ветра, порой превращающегося в бурю, ураган. Предзнаменованием большой беды, голода служит описание бури, данное еще в начале романа [4, № 1, 103-104]. Такая же внезапная буря разыгралась во время собрания сельчан, на котором представитель райцентра устрашал людей, объявляя о начале беспощадной борьбы против врагов Советской власти. В целом природа в романе предстает беспокойной, в состоянии тревожного ожидания чего-то рокового, как и люди.

Условно-символическим смыслом наполнены сны героев, которым в романе отведено немало места. Все центральные персонажи, так или иначе, видят сны, верят в их «вещность», по-своему толкуют их, прикладывают к своей судьбе, пытаются связать с будущим. Например, Кашфулле, некоему подобию гоголевского Манилова, часто снится светлое будущее (рай), и герой, устроившись на лежанке, мечтает о роскоши, богатстве, беззаботной жизни. Накануне деревенского схода, где было решено выслать Муратшу и его семью в Сибирь, герой во сне видит крыс, «которые впились ему в горло, грызут ноги и руки» [4, № 5, 87]. Такие же вещие сны снятся Абдулле, Исламгулу, Хадисе. Наряду с другими средствами и приемами выразительности сны героев служат художественному воплощению авторской идеи, углублению и расширению проблематики произведения, созданию характера деревенского жителя с его предрассудками, надеждами, чаяниями и тревогами, верой в потусторонние силы.

В образной символике романа следует назвать образы сивого коня, аждахи (дракона), змея, муравьев, крыс. Название романа тоже наполнено символическим смыслом. Это не

только голод в прямом значении, как физическое состояние, но и голод душевный, моральное оскудение человека, его черствость, о чем говорит Муратша. Это словно сигнал-предупреждение о том, к чему может привести непродуманные действия и решения властей, волюнтаризм, политика подавления энергии, творчества масс и личности.

Список литературы

1. Баимов Р. Н. Истоки и устья. – Уфа, 1993. – 352 с.
2. Башкирия в русской литературе: В 6 т. Т. 2. – Уфа, 1990.
3. Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб. Роман // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7.
4. Уразгулов Р. Голод Роман // Бельские просторы. – 2015. – № 1–5.
5. Стендаль Ф. Пармская обитель / Пер. с фр. Н. Немчиновой. – Минск, 1976.
6. Чанцев А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // НЛО. – 2007. – № 86.

Рецензенты:

Карамова А. А., д.фил.н., зав кафедрой русской и зарубежной филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Петишева В. А., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.